

Россия, Русь, храни себя, храни.

Рубцов
Николай Михайлович
(3.01.1936, пос. Емецк Архангельской обл.
– 19.01.1971, Вологда)

Фиалки

Я в фуфаячке грязной
Шел по насыпи мола,
Вдруг тоскливо и страстно
Стала звать радиола:

- Купите фиалки!
Вот фиалки лесные!
Купите фиалки!
Они словно живые!

...Как я рвался на море!
Бросил дом безрассудно
И в моряцкой конторе
Все просился на судно.
Умолял, караулил...
Но нетрезвые, с кренцем,
Моряки хохотнули
И назвали младенцем...

Так зачем мою душу
одна волновала,
давая на сушу
ти сильного шквала?
е моря и неба,
е мокрого мола,
хлеба мне, хлеба!
ичи, радиола...
и в белый автобус,
ый, теплый. хороший,-
ертелась, как глобус,

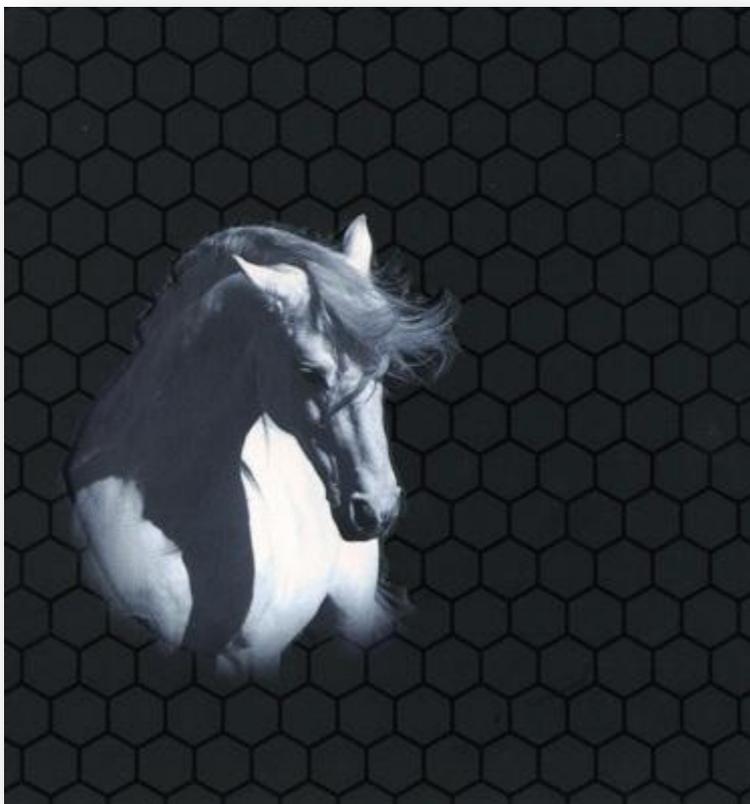
Голова контролерши.

Назвала хулиганом,
Назвала меня фруктом...
Как все это погано!
Эх! Кондуктор, кондуктор...
Ты не требуй билета,
Увези на толкучку,
Я, как маме, за это
Поцелую вам ручку!

Вот хожу я, где ругань,
Где торговля по кругу,
Где толкают друг друга
И толкают друг другу,
Рвут за каждую гайку
Русский, немец, эстонец..

О!.. Купите фуфайку.
Я отдам за червонец...

На ночлеге

Лошадь белая в поле темном.
Воет ветер, бурлит овраг,
Светит лампа в избе укромной,
Освещая осенний мрак.

Подмерзая, мерцают лужи...
'Что ж,- подумал,- зайду давай?'
Посмотрел, покурил, послушал
И ответил мне:- Ночевай!

И отправился в темный угол,
Долго с лавки смотрел в окно
На поблекшие травы луга...
Хоть бы слово еще одно!

Есть у нас старики по селам,
Что утратили будто речь:
Ты с рассказом к нему веселым -
Он без звука к себе на печь.

Знаю, завтра разбудит только
Словом будничным, кратким столь
Я спрошу его:- Надо сколько?-
Он ответит:- Не знаю, сколь!

И отправится в тот же угол,
Долго будет смотреть в окно
На поблекшие травы луга...
Хоть бы слово еще одно!..

Ночеваю! Глухим покоем
Сумрак душу врачует мне,
Только маятник с тихим боем
Все качается на стене,

Только изредка над паромной
Над рекой, где бакен желт,
Лошадь белая в поле темном
Вскинет голову и заржет...

Березы

Я люблю, когда шумят березы,
Когда листья падают с берез.
Слушаю - и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез.

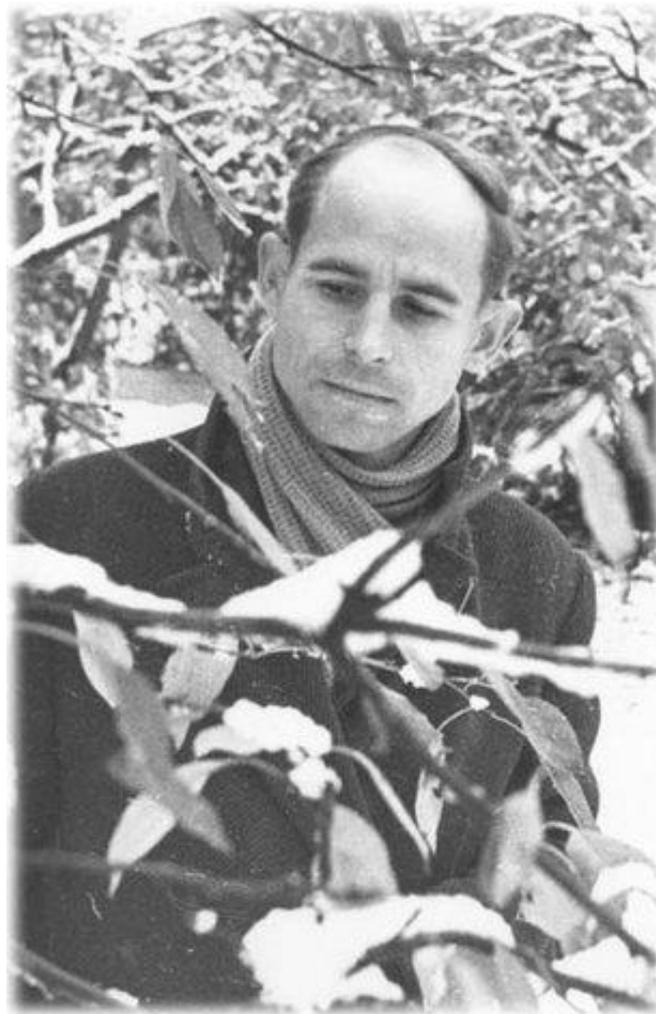
Все очнется в памяти невольно,
Отзовется в сердце и в крови.
Станет как-то радостно и больно,
Будто кто-то шепчет о любви.

Только чаще побеждает проза,
Словно дунет ветер хмурых дней.
Ведь шумит такая же береза
Над могилой матери моей.

На войне отца убила пуля,
А у нас в деревне у оград
С ветром и дождем шумел, как улей,
Вот такой же желтый листопад...

Русь моя, люблю твои березы!
С первых лет я с ними жил и рос.
Потому и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез...

1957

В ОСЕННЕМ ЛЕСУ

Доволен я буквально всем!
На животе лежу и ем
Бруснику, спелую бруснику!
Пугаю ящериц на пне,
Потом валяюсь на спине,
Внимая жалобному крику
Болотной птицы...
Надо мной
Между березой и сосной
В своей печали бесконечной
Плывут, как мысли, облака,
Внизу волнуется река,
Как чувство радости беспечной...
Я так люблю осенний лес,
Над ним — сияние небес,
Что я хотел бы превратиться
Или в багряный тихий лист,
Иль в дождевой веселый свист,
Но, превратившись, возродиться
И возвратиться в отчий дом,
Чтобы однажды в доме том
Перед дороною большою
Сказать: — Я был в лесу листом!
Сказать: — Я был в лесу дождем!
Поверьте мне: я чист душою...

(1967)

ЛЮБОВЬ

Я брожу по дороге пустынной.
Вечер звездный, красивый такой.
Я один. А в лугу журавлином
Мой товарищ гуляет с тобой.

Так случилось, что в сумерках лета,
За дворами, где травы шумят,
Ты целуешься с ним до рассвета,
Как со мною три года назад.

Я тебя упрекать не намерен,
Если ты не расстанешься с ним.
Только жаль, что я слишком верил
Обещающим письмам твоим.

Скоро, скоро на шумном вокзале
У раскрытых железных ворот
Ты простишься со мной без печали,
Я обратно уеду на флот.

Путь матроса тревожен, но светел.
Лишь по трапу на борт поднимусь,
Освежит мою голову ветер,
И развеется горькая грусть.

Но и все ж под ветрами морскими
Еще долго опять и опять
Буду я повторять твоё имя
И любимой тебя называть.

ПИСЬМО

Дорогая! Любимая! Где ты теперь?
Что с тобой? Почему ты не пишешь?
Телеграммы не шлешь... Оттого лишь
— поверь,
Провода приуныли над крышей.
Оттого лишь, поверь, не бывало и дня
Без тоски, не бывало и ночи!
Неужели — откликнись — забыла
меня?
Я люблю, я люблю тебя очень!
Как мне хочется крикнуть: «Поверь
мне! Поверь!»
Но боюсь: ты меня не услышишь...
Дорогая! Любимая! Где ты теперь?
Что с тобой? Почему ты не пишешь?

1956

Я ТЕБЯ ЦЕЛОВАЛ

Я тебя целовал сквозь слезы.
Только ты не видела слез,
Потому, что сырой и темной
Была осенняя ночь.

По земле проносились листья,
А по морю — за штормом шторм,
Эти листья тебе остались,
Эти штормы достались мне.

Широко, отрешенно, грозно
Бились волны со всех сторон,
Но порой затихало море
И светилась заря во мгле.

Я подумал, что часто к морю
Ты приходишь и ждешь меня,
И от этой счастливой мысли
Будто солнце в душе зажглось!

Пусть тебе штормовые стоны
Выражают мою печаль,
А надежду мою и верность
Выражает заря во мгле...

БУКЕТ

Я буду долго
Гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Нарву цветов.
И подарю букет
Той девушке, которую люблю.
Я ей скажу:
— С другим наедине
О наших встречах позабыла ты,
И потому на память обо мне
Возьми вот эти
Скромные цветы! —
Она возьмет.
Но снова в поздний час,
Когда туман сгущается и грусть,
Она пройдет,
Не поднимая глаз,
Не улыбнувшись даже...
Ну и пусть.
Я буду долго
Гнать велосипед,
В глухих лугах его остановлю.
Я лишь хочу,
Чтобы взяла букет
Та девушка, которую люблю...

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОК

Домик моих родителей
Часто лишал я сна. —
Где он опять, не видели?
Мать без того больна. —
В зарослях сада нашего
Прятался я, как мог.
Там я тайком выращивал
Аленький свой цветок.
Этот цветочек маленький
Как я любил и прятал!
Нежил его, — вот маменька
Будет подарку рада!
Кстати его, некстати ли,
Вырастить все же смог...
Нес я за гробом матери
Аленький свой цветок.

(1966)

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ

Его увидев, люди ликовали,
Но он-то знал, как был он одинок.
Он оглядел собравшихся в подвале,
Хотел подняться, выйти... и не смог!

И понял он, что вот слабеет воля,
А где покой среди больших дорог?!
Что есть дружба в тиши родного поля,
Но он от них отчаянно далек!

И в первый раз поник Сергей Есенин,
Как никогда, среди унылых стен...
Он жил тогда в предчувствии осеннем
Уж далеко не лучших перемен.

1968

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Слухи были глупы и резки:
Кто такой, мол, Есенин Серега,
Сам суди: удавился с тоски
Потому, что он пьянствовал много.

Да, недолго глядел он на Русь
Голубыми глазами поэта.
Но была ли кабацкая грусть?
Грусть, конечно, была... Да не эта!

Версты все потрясенной земли,
Все земные святыни и узы
Словно б нервной системой вошли
В своенравность есенинской музыки!

Это муза не прошлого дня.
С ней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.
1962

ДУЭЛЬ

Напрасно
 дуло пистолета
Враждебно целилось в него;
Лицо великого поэта
Не выражало ничего!
Уже давно,
 как в божью милость,
Он молча верил
В смертный рок.
И сердце Лермонтова билось,
Как в дни обидчивых тревог.
Когда же выстрел
 грянул мимо
(Наверно, враг
Не спал всю ночь!),
Поэт зевнул невозмутимо
И пистолет отбросил прочь...

[1964]

О ПУШКИНЕ

Словно зеркало русской
стихии,
Отстояв назначенье свое,
Отразил он всю душу России!
И погиб, отражая ее...

1965

ПРИЕЗД ТЮТЧЕВА

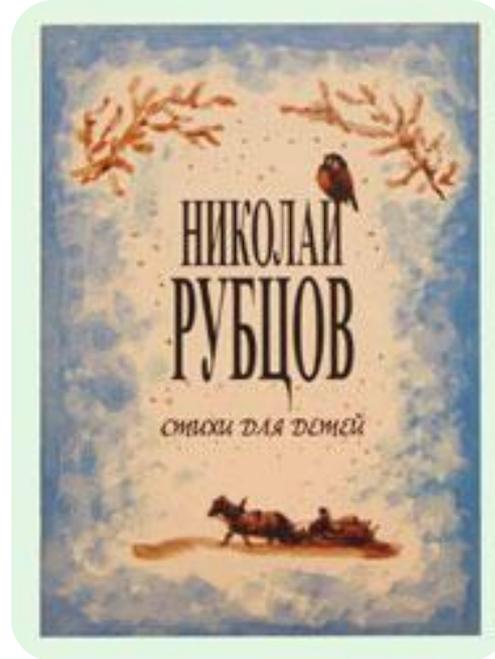
~~Видно, что он был не только поэтом,
но и человеком, который...~~

[1964]

ВОРОБЕЙ

Чуть живой. Не
чирикает даже.
Замерзает совсем
воробей.
Как заметит подводу с
поклажей,
Из-под крыши бросается
к ней!
И дрожит он над
зернышком бедным,
И летит к чердаку
своему.
А гляди, не становится
вредным
Оттого, что так трудно
ему...

(1969)

ЛАСТОЧКА

Ласточка носится с криком.
Выпал птенец из гнезда.
Дети окрестные мигом
Все прибежали сюда.

Взял я осколок металла,
Вырыл могилку птенцу,
Ласточка рядом летала,
Словно не веря концу.

Долго носилась, рыдая,
Под мезонином своим...
Ласточка! Что ж ты, родная,
Плохо смотрела за ним?

ПРО ЗАЙЦА

Заяц в лес бежал по лугу.
Я из лесу шел домой, —
Бедный заяц с перепугу
Так и сел передо мной!

Так и обмер, бестолковый,
Но, конечно, в тот же миг
Поскакал в лесок сосновый,
Слыша мой веселый крик.

И еще, наверно, долго
С вечной дрожью в тишине
Думал где-нибудь под елкой
О себе и обо мне.

Думал, горестно вздыхая,
Что друзей-то у него
После дедушки Мазая
Не осталось никого.

В ГЛУШИ

Когда душе моей
Сойдет успокоенье
С высоких, после гроз,
Немеркнущих небес,
Когда в душе моей
Внушая поклоненье,
Идут стада дремать
Под ивовый навес,
Когда душе моей
Земная веет святость,
И полная река
Несет небесный свет,-
Мне грустно оттого,
Что знаю эту радость
Лишь только я один:
Друзей со мною нет...

ПРОЩАЛЬНОЕ

Печальная Вологда
дремлет
На темной печальной земле,
И люди окраины древней
Тревожно проходят во мгле.

Родимая! Что еще будет
Со мною? Родная заря
Уж завтра меня не разбудит,
Играя в окне и горя.

Замолкли веселые трубы
И танцы на всем этаже,
И дверь опустевшего клуба
Печально закрылась уже.

Родимая! Что еще будет
Со мною? Родная заря
Уж завтра меня не разбудит,
Играя в окне и горя.

И сдержанный говор печален
На темном печальном крыльце.
Все было веселым вначале,
Все стало печальным в конце.

На темном разъезде разлуки
И в темном прощальном авто
Я слышу печальные звуки,
Которых не слышит никто...

(1968)

Николай Рубцов боготворил Россию, ее историю,
ее природу, обычаи, верования.

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.

Светятся, тихие, светятся, чудные,
Слышится шум полыньи...
Были пути мои трудные, трудные.
Где ж вы, печали мои?

Скромная девушка мне улыбается,
Сам я улыбчив и рад!
Трудное, трудное — все забывается,
Светлые звезды горят!

Кто мне сказал, что во мгле заметленной
Глохнет покинутый дуг?
Кто мне сказал, что надежды потеряны?
Кто это выдумал, друг?

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь...

**Всеми силами души любил Рубцов свою тихую родину,
нашу общую Родину.**

В прекрасном стихотворении с символическим названием "Русский огонек"
Рубцов рассказал о себе как бы из будущего, представ в своих стихах
перед потомками.

По сути, это духовный, нравственный завет Рубцова:

Русский огонек

...За все добро расплатимся
добром,
За всю любовь расплатимся
любовью...

Спасибо, скромный русский
огонек,
За то, что ты в предчувствии
тревожном
Горишь для тех, кто в поле
бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что, с доброй верою друга,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая
душа,
Горишь во мгле - и нет тебе
покоя...

Прожив короткую, полную невзгод и лишений жизнь, в которой были и раннее сиротство, и бедность, и скитания, Николай Рубцов самые задушевные строки посвятил Родине.

Привет, Россия — родина моя!
Сильнее бурь, сильнее всякой воли
Любовь к твоим овинам у жнивья,
Любовь к тебе, изба в лазурном поле.
За все хоромы я не отдаю
Свой низкий дом с крапивой под оконцем...
Как миротворно в горницу мою
По вечерам закатывалось солнце!
Как весь простор, небесный и земной,
Дышал в оконце счастьем и покоем,
И достославной веял стариной,
И ликовал под ливнями и зноем!..

Накануне 1971 года поэт получил от близкого человека такую открытку: "Поздравляю с Новым годом! Желаю... Береги голову, пока не поздно!.." Это было одно из предупреждений, добрый совет. Но Рубцов уже не слышал, он летел к своему концу.

Поэт всегда много писал о смерти, но так,
как в последние месяцы, — **никогда**.

Он как бы предсказал свою смерть.

Если умру — по мне
Не зажигай огня!
Весть передай родине
И посети меня.
Где я зарыт, спроси
Жителей дальних мест,
Каждому на Руси
Памятник — добрый
крест!

Я умру в крещенские морозы...

Я умру в крещенские морозы
Я умру, когда трещат березы
А весною ужас будет
полный:
На погост речные хлынут
волны!
Из моей затопленной
могилы
Гроб всплывет, забытый и
унылый
Разобьется с треском, и в
потемки
Уплывут ужасные обломки
Сам не знаю, что это такое...
Я не верю вечности покоя!

Так и вышло. Та крещенская
ночь, глухая и дикая... она
настала!
Он погиб 19 января 1971 года.

В крещенские морозы, Н. Рубцов был убит
любимой женщиной – поэтессой Людмилой
Дербиной.

Эта трагическая любовь двух поэтов — Николая Рубцова и Людмилы Дербиной, наверное, будет еще долго будоражить умы...

И чем дальше в прошлое уходит та крещенская ночь, тем больше стремление понять, почему их встреча была роковой.

"Человеческая жизнь у всех начинается одинаково, а кончается по-разному. И есть странная горькая традиция в кончине многих больших русских поэтов. Все великие певцы уходили из жизни рано и, как правило, не по своей воле..." — сказал Виктор Астафьев.

Виктор Астафьев весной 1971 года вспоминал на страницах журнала "Наш современник":

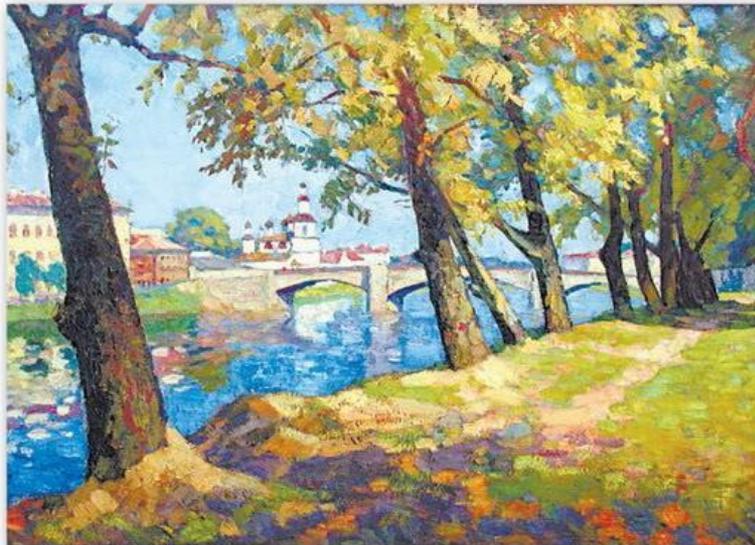
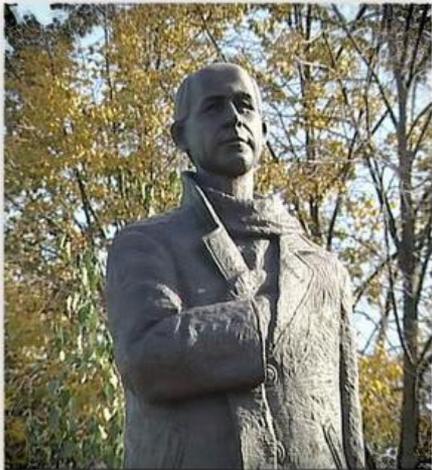
"В день сороковин поэта его друзья и земляки собрались на кладбище. Под дощатой пирамидкой глубоко и тихо спал поэт, который так пронзительно умел любить свою землю и высоко петь о ней, а вот своей жизнью совсем не дорожил.

Кладбище, где он лежит, — новое, еще недавно тут был пустырь, нет здесь зелени и деревья еще не выросли, на крестах сидят многочисленные нахохленные вороны.

Возле стандартных пирамидок позванивают железными листьями стандартные венки, а кругом горят-переливаются голубые снега, светит уже на весну подобревшее солнце, и не верится, не хочется верить, что нет его с нами и никогда уже не будет и мы не услышим его прекрасную, только до половины спетую песню».

Замерзают мои георгины,
И последние ночи близки,
И на комья желтеющей глины
За ограду летят лепестки..
Нет, меня не порадует — что ты! —
Одинокая странствии звезда..
Пролетели мои самолеты,
Просвистели мой поезда.

До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста!
Перед этой
Желтой, заходистой
Стороной березовой
Моей,
Перед жнивой
Пасмурной и грустной
В дни осенних
Горестных дождей,
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.
Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!

В 1973 году на могиле Рубцова поставили надгробье — мраморную плиту с барельефом поэта.

Внизу по мрамору бежит строчка из его стихов: **"Россия, Русь! Храни себя, храни!"** — которая звучит, словно последнее завещание Рубцова этой несчастной и бесконечно любимой стране, что не бережет ни своих гениев, ни саму себя...

**Отложу свою скудную пищу
И отправлюсь на вечный покой.
Пусть меня еще любят и ищут
Над моей одинокой рекой.**

